

Мария Метлицкая
Женский день

— Не выспались? — услужливо спросила гримерша и мазнула Женю кисточкой по подбородку.

Женя вздрогнула и открыла глаза.

— Да, как-то не очень, — грустно согласилась она.

— Со сном или — вообще? — усмехнулась любопытная гримерша.

Женя тоже усмехнулась.

— Зачем же «вообще»? «Вообще» все отлично!

«Не дождетесь, — подумала она, — фигу с маслом! Знаем мы таких. Сочувствующих. Мы вам душу, а вы нам — сплетню. Понесете потом по коридорам Останкино — у Ипполитовой все плохо. Бледная, грустная, короче — никакая. Не иначе в семье проблемы. Ага, счас!»

Гримерша была немолода, видимо, опытна в делах сердечных и явно приучена к задушевым беседам.

— Глазки? — полусшепотом, интимно спросила она. — Глазки будем УКРУПНЯТЬ?

Жене стало смешно — укрупнять глазки! Незаметно вздохнула — раньше ничего *укрупнять* было не нужно. Глазки были ничего себе. Губки тоже вполне, вполне. Носик тоже не подводил. Волосики средние, но не из последних... да. А ведь права настырная — глазки теперь в укрупнении явно нуждались. И ротик можно было бы освежить. Да и все остальное... освежить, оттенить, укрупнить. Все, кроме задницы и некоторых частей спины.

Гримерша старалась — высунув кончик языка, припудривала, подрисовывала, уменьшала и укрупняла.

Наконец она выпрямила спину, отступила на полшага назад, посмотрела на Женю и сказала:

— Ну, вот. И слава богу! Свежа, молода, хороша. Короче, к эфиру готова. Ну, а в перерывах поправим, промокнем и подсушим — ну, все как обычно!

Женя встала из гримерного кресла, улыбнулась, довольная результатом.

— Спасибо! Спасибо огромное. Вы и вправду большой профи.

Гримерша махнула рукой

— Столько лет, о чем вы! Десять лет в Малом, семь в Таганке. И здесь уже, — она задумалась, вспоминая, — да, здесь уже скоро двенадцать. Мартышка бы научилась.

В дверь заглянула молодая кудрявая девица.

— Тамар Иванн! Ольшанская прибыла.

Тамара Ивановна всплеснула руками.

— Хосподи! Ну, счас начнется!

Женя присела на двухместный диванчик и взяла в руки старый и потрепанный журнал, предназначенный, видимо, для развлечения ожидающих гостей.

Гримерша начала — излишне поспешно — прибираться на гримерном столике.

Дверь распахнулась, и ворвался вихрь. Вихрь, сметающий все на своем пути. Позади Вихря бежали две девицы, одна из которых была та, кудрявая. Они что-то бессвязно лепетали и были очень взволнованны.

Вихрь скинул с себя ярко-красный кожаный плащ и тяжело плюхнулся в кресло.

Ольшанская была хороша. Женя видела ее только по телевизору и сейчас, позабыв о приличиях, жадно разглядывала ее.

Рыжие, коротко остриженные, под мальчика, волосы. Очень белая кожа, свойственная только рыжим людям, светлые конопушки на прелестном, красиво вздернутом носике. Очень крупный и очень яркий, совсем без помады, живой и подвижный рот. И глаза — огромные, темно-синие, такого редкого цвета, который почти не встречается в усталой природе.

«Классная!» — с восторгом подумала Женя, всегда с удовольствием подмечающая женскую красоту.

Ольшанская обвела взглядом гримерку и устала на пожилую гримершу.

— Ну, слава богу, ты, Том! — с облегчением выдохнула она. — Теперь я спокойна. А то... Эти, — она скривила рот и кивнула головой на девчонок, жавшихся у стены, — эти! Эти, блин, напорчат.

Девицы вздрогнули и еще глубже впечатались в стену.

Гримерша Тамара Ивановна раздвинула губы в сладчайшую улыбку, развела для объятий руки и пошла на Ольшанскую.

Но подошла к креслу и застыла — Ольшанская кидаться в объятия не собиралась.

— Может, кофе? — просипела кудрявая.

— Ага, как же! — скривилась Ольшанская. — Налъешь мне сейчас вонючей растворимой бурды из кулера и назовешь это кофе!

— Я сварю! — всполошилась Тамара Ивановна. — Сварю в турочке, с утра смолотый! С пенкой и с солью, да, Алечка?

Ольшанская с минуту, словно раздумывая, смотрела на гримершу, а потом вяло кивнула.

— А, валяй! — разрешила она. И жалобно добавила: — Башка с утра рвется. Прямо сил никаких!

Женя снова уткнулась в журнал — разглядывать звезду ей совсем расхотелось.

«Вот так, — подумала она, — звезда, красавица, успешнее некуда. И такая... Хотя какая? Ну, повыпендривалась малость, с кем не бывает! Звезда ведь, не фунт изюма». Но все равно. Стало как-то неуютно что ли... Не то чтобы она этой Ольшанской испугалась — да нет, глупости, конечно. Просто подумала: всех «забьет» эта цаца. Будет «звездить» и упиваться — собой, любимой. А мы... Мы останемся на задворках, понятно. Под лавкой. Актриса — всех переиграет, ясное дело.

Ну и ладно. Подумаешь!

Но тут же слегка пожалела... Что подписалась на все ЭТО. Зря. Не надо было.

Как чувствовала — не надо.

Она незаметно вышла за дверь — наблюдать за капризной звездой удовольствия мало.

Стала прохаживаться по коридору. В Останкино она бывала и раньше — на записях ток-шоу. Приглашали ее часто, а вот соглашалась она крайне редко. Жалко было и времени, и сил. Да и интереса особого не было — если только в самом начале.

По коридору навстречу ей стремительно, мелкими шагами шла невысокая и очень ладненькая женщина. Она разглядывала указатели на дверях — чуть близоруко прищурившись. За ней бежал тот, кого называли гостевой редактор.

Стрекалова — узнала ее Женя. Вероника Юрьевна Стрекалова. Врач-гинеколог. Очень известный врач. Директор института — не только директор, но и практически создатель. Профессор, член всяческих международных ассоциаций. Умница, в общем. Женщина, подарившая десяткам отчаявшихся женщин счастье материнства. Жене попадались интервью Стрекаловой, и она всегда подмечала, что эта хрупкая и скромная женщина ей очень нравится.

Молодой парень, тот самый встречающий редактор, с кем-то остановился и начал болтать. Стрекалова растерянно оглянулась, ища его глазами, подумала с минуту, вздохнула, остановилась у нужной двери и робко постучалась.

Из-за двери вынырнула кудрявая и, увидев профессоршу, обрадовалась ей, словно родной матери.

— Простите, — залепетала Стрекалова, — за опоздание. Такие пробки! Какой-то кошмар. Я ведь из самого центра, — продолжала оправдываться она.

Кудрявая втянула ее в комнату — практически за рукав.

Женя усмехнулась: ну, эта — овца почище меня! Ликуй, Ольшанская! На сегодня конкурентов у тебя точно нет. И передачу можно смело переименовывать — не «Три соплеменницы, которыми мы восхищаемся», а бенефис Александры Ольшанской.

Женя вздохнула и глянула на часы — в запасе было еще минут двадцать. Можно смело спуститься на первый этаж в кафешку и выпить кофе. За свои, за кровные. Не давясь бесплатной, растворимой бурдой и не выклянчивая «заваренный в турочке».

Впрочем, она не выклянчивала. А предлагать ей никто и не думал — невелика птица. Уж точно — не Ольшанская. Не тот калибр!

Писательница. Автор женских романов. Подумаешь! Сколько их развелось! Перебьется без кофе.

Кофе в кафе был отличный — настоящий капучино, правильно сваренный, с высокой пенкой и коричневым сердечком. Женя откинулась на спинку стула и обвела взглядом зал. Знакомые, сплошь медийные лица — ведущие новостей, ток-шоу, актеры, режиссеры.

Из-за столика наискосок ей помахала рукой женщина в красном платье. Женя узнала Марину Тобольчину, ведущую программы, на которую ей, Жене, следовало идти через пятнадцать минут.

Тобольчина была личностью тоже известной. Все смотрели ее программы уже лет пять или шесть. И никогда не было скучно. Тобольчина делала программы про женщин. Раз в два года она лишь слегка меняла формат — вероятно, чтобы не наскучить зрителю. И следовало признать, это ей прекрасно удавалось.

Кто-то считал программы Тобольчиной конъюнктурными, кто-то — похожими друг на друга. Кто-то упрекал ее в жесткости, кто-то в отсутствии искренности.

Но! Смотрели многие. Передачи были нескудные, динамичные. И вопросы Тобольчина задавала не заезженные, не примитивные. И еще — ей отлично удавалось выбить из собеседницы слезу, вытянуть что-то глубоко спрятанное, почти секретное. Профессионал, что говорить. Голос ее журчал мягко, ненавязчиво, словно ручей. Убаюкивал, успокаивал, расслаблял. И тут — оп! Острый вопросец. И собеседница терялась, вздрагивала, чуть не подсакивала в кресле. А деваться-то некуда! Тобольчина готовилась к программам тщательно. Выискивая скелеты в шкафу — ничего вроде особенного... А в глаз, а не в бровь!

Женя читала в Сети, что была пара случаев, когда оппоненты Тобольчиной требовали стереть запись и в эфир не пускать. Фигушки! Тобольчина за каждую запись билась как тигрица. Было даже одно судебное дело, но Тобольчина его выиграла.

И сутяжницу наказали рублем и общественным порицанием. И даже высмеивали в СМИ.

Вообще-то, получить приглашение от Тобольчиной считалось круто, очень круто. Конечно, она была признанной акулой пера — если так можно сказать о телевизионщице.

Тобольчина посмотрела на часы, бодро встала и направилась к Жене. Подошла к ее столику, обворожительно улыбнулась и наклонилась.

— Готовы, Евгения Владимировна? — мягко спросила она.

Женя выдавила улыбку и тоже кивнула.

— Да, Марина. Конечно, готова.

— На гриме были? — осведомилась та.

Женя кивнула.

— Разумеется.

— Тогда — за работу! — Тобольчина еще раз улыбнулась и кивнула: — Пойдемте?

Женя встала, вздохнула и нехотя поплелась -следом.

На душе было тревожно.

«Трус! — укорила она себя. — Как была трусихой, так и осталась. Не дрейфь, Ипполитова! Ты ж... давно уже не Женя из шестой школы. Ты Евгения Ипполитова! Звезда российской прозы и любимица тысяч женщин. И даже мужчин. И тиражи у тебя, матушка!..»

Так что вперед, дорогая. Забыли про детские страхи, подростковые фобии и климактерические взбрыки. Вперед и с песнями! Про тяжелую, но почти счастливую женскую долю. Ты ж профессионал в этом, Женечка. Куда там Тобольчиной!»